

Самара и Самарканд в военные годы

К 75-ой годовщине начала Великой Отечественной войны

Н.М. Менькова

menkovan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Великая Отечественная война... Всё больше отдаляется она от нас, и всё меньше остаётся свидетелей и участников этой эпопеи... Я принадлежу к поколению «детей войны», которые пережили всенародное бедствие в школьном возрасте и вполне отчётливо смогли запомнить события того времени. На мою долю выпали годы эвакуации: вынужденные скитания, переезды на новые места... Волею судеб я побывала тогда и в Самаре – тогда этот город назывался Куйбышевым, и в Самарканде. Каждый из этих городов играл свою особенную роль в годы войны, а сближало их – единение людей, выручка, взаимопомощь, желание победить врага.

Ключевые слова: *война, эвакуация, Куйбышев, Узбекистан, школа, хор; war, evacuation, Kuibyshev, Uzbekistan, school, choir.*

* * *

Я хорошо помню день начала войны – 22 июня 1941 года... Мы с бабушкой жили на даче под Москвой. Стояла прохладная пасмурная погода, кажется, даже накрапывал дождь, потому что наша мама пришла со станции под зонтом. Она в то время работала в проектно-институте и возвращалась утром этого воскресного дня после ночного дежурства: в предвоенные годы все учреждения должны были оставлять на ночь сотрудников, сидевших на своих рабочих местах до утра, так как считалось, что Сталин не спал, работал, и ему в любой момент могла понадобиться какая-нибудь справка. Мама рассказала нам, что одному из дежуривших инженеров позвонила из Киева жена – артистка гастролировавшего там московского театра – и спросила, всё ли в Москве в порядке. «Да, – ответил инженер. – А что случилось?» – «А то случилось, что нас бомбят!» ...Помните: «Киев бомбили, нам объявили...» Да, так началась война.

...Мы прожили на даче несколько дней и даже вырыли во дворе «щель» – неглубокий окоп, где можно было бы укрыться во время воздушных налётов. Но это укрытие казалось ненадёжным, поэтому вскоре мы вернулись в город, а уже в середине июля я вместе с мамой, бабушкой и младшим братишкой уехала в Саратов, где у нас были знакомые. В Саратове мы пробыли около месяца, а в августе за

нами приехал отец, которого от Артиллерийской академии прикомандировали к военной части в городе Куйбышеве – так тогда называлась Самара.

Вначале мы жили на окраине города в военной городке, но потом папа начал по совместительству работать в Куйбышевском индустриальном институте, и нам предоставили комнату в преподавательском общежитии – одноэтажном вместительном здании, расположенном на углу Вилоновской и Галактионовской улиц. В каждой комнате этого «муравейника» помещалась семья, и порой даже не одна: город был переполнен эвакуированными из разных мест страны. На общей кухне одновременно топились две печки, готовилась еда для многочисленных обитателей общежития, но атмосфера, несмотря на тесноту, была неизменно дружественной, чему в большой степени способствовала наша бабушка.

Она эвакуировалась из Москвы вместе с нами, и так как родители много работали, то все домашние дела лежали на ней: долгими часами простаивала она в очередях за продуктами, а придя домой, топила печку, готовила еду, стирала и убирала. Но как бы ни устала бабушка за день, вечером она обязательно усаживалась вместе с нами за стол и при слабом свете коптилки читала вслух. Бабушка была настоящим энтузиастом семейного чтения, и в орбиту её читательских интересов попадали не только все мы, её родственники, но и соседи, для которых в годы наших вынужденных скитаний она неизменно становилась своего рода центром притяжения: таким уж была она открытым и доброжелательным человеком.

Ну а уж бабушкины кулинарные таланты плюс многолетняя практика в периоды голода, разрухи, карточной системы проявились в годы войны в полной мере: она могла приготовить *всё* из *ничего*, и поэтому соседки часто обращались к ней за советом и помощью. Постоянно к нам заходили какие-то женщины, и бабушка терпеливо выслушивала их сетования, читала с ними письма с фронта от мужей, сыновей, братьев... Сама она давно ничего не получала из действующей армии: младший её сын пропал без вести в первые же дни войны, старшего она потеряла еще в двадцатые годы...

Зима 1941-42 г.г. была очень трудной. Морозы переваливали за сорок градусов при сильных ветрах, но всё-таки мы бывали на улицах Куйбышева – Самары, и этот город казался нам оживлённым и очень красивым, так как там было много зданий добротной старинной застройки. На меня большое впечатление производил прекрасный памятник Чапаеву в центре города...

В военные годы Куйбышев превратился как бы во временную столицу страны: туда были эвакуированы из Москвы многие правительственные учреждения, крупные предприятия и заводы. Промышленный потенциал города позволил в кратчайшие сроки наладить здесь выпуск необходимой для фронта продукции. Красная армия получала из Куйбышева оружие, боеприпасы, грозные штурмовики ИЛ-2, а также запасы хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Сюда был эвакуирован Большой театр, спектакли которого проходили в прекрасном здании местного Театра оперы и балета. Мне посчастливилось той зимой побывать на балетах «Лебединое озеро» и «Дон Кихот», и я не могу забыть до сих пор эти спектакли, где ведущие партии исполняли молодые в то время балерины Марина Семёнова и Ольга Лепешинская. Большое впечатление произвели на меня также девочки, ученицы хореографического училища ГАБТа, исполнявшие в балете «Дон Кихот» роли амуров.

Коллектив Большого театра был прикреплен к столовой Индустриального института, которая располагалась в нашем дворе. Иногда мы видели, как от проходной института к зданию столовой шествовали полюбившиеся нам артистки: грациозная Семёнова, всегда улыбающаяся Лепешинская. С детской непосредственностью мы подбегали к ним и спешили выразить свой восторг...

Минула первая военная зима, а весной мой отец получил предписание явиться к месту своей постоянной работы, в Артиллерийскую академию, которая к этому времени уже была эвакуирована в город Самарканд, так что в конце июня мы выехали из Куйбышева в столицу Узбекистана Ташкент, где нам предстояло сделать пересадку.

Я плохо переносила железнодорожную тряску, но ехали мы долго, не помню, сколько именно, так что, когда мы подъехали к казахстанским и среднеазиатским степям, я уже немного адаптировалась и с интересом выглядывала в окошко. Правда, пейзаж большей частью был однообразным: как ни посмотришь – всё желтые пески, покрытые редкой колючей растительностью. И вдруг однажды на закате: «Смотрите, смотрите, верблюды!» В розовых косых лучах заходящего солнца мы увидели две кибитки, около которых женщины разводили огонь, а чуть поодаль стояли два огромных, как мне, маленькой, показалось, верблюда...

Другое яркое впечатление: по радио объявляют: «Станция Аральское море!» Я выхожу на платформу, залитую ослепительным солнечным светом, и вижу синее-синее, яркое-яркое и огромное, как небо, пространство в обрамлении сочной зелени. И далеко, почти на горизонте, белый корабль... Неужели больше нет Арала? Мне не верится, что это чудное море-озеро погубили неправильно спроектированные ирригационные сооружения, и думаю, что усыхание Арала является следствием геологических процессов, что, как известно, отмечалось и раньше...

В Ташкенте мы остановились у дальних родственников, которые, между прочим, были потомками одного из первых губернаторов Туркестана – Андрея Петровича Чайковского, двоюродного брата композитора П. И. Чайковского. Мы пробыли в столице Узбекистана два дня, пока наш папа оформлял по броне билеты «для дальнейшего следования к месту назначения». За это время мы прошли по улицам города, который выглядел весьма оригинально по сравнению с Москвой: невысокие белые здания среди экзотической растительности, журчащие вдоль улиц арыки... А потом мы двинулись дальше – на Самарканд – по железной дороге, пролегающей через туркестанские оазисы, которые восхищали нас своей красотой и необычностью.

В Самарканд мы приехали поздно вечером. Поезд свистнул и укатил в неведомое далёко. Пассажиры сразу же куда-то рассосались, погасли огни на вокзале, и мы очутились одни на платформе среди мрака и таинственных шорохов средне-

азиатской ночи, кстати сказать, весьма прохладной. Пока папа ходил к начальнику станции с просьбой устроить нас как-нибудь на ночлег, бабушка уже уложила нас с братом Сашей на чемоданы, и мы задремали, положив головы ей на колени. А мама пошла в кромешной тьме с чайником искать кипяток...

Утром папа уехал в город, чтобы доложить начальству о прибытии, а также чтобы найти транспорт для нас. А потом было путешествие по раскалённому от зноя городу в маленьком душном автобусе и обретение пристанища – двух комнат в низком одноэтажном доме на территории самаркандского эвакогоспиталя. Это медицинское учреждение занимало целый квартал на улице Склянского, по-видимому, названной в честь какого-то местного революционного деятеля. До войны здесь находился Узбекский государственный университет, располагавший множеством отдельно стоящих строений. Главный четырёхэтажный корпус был недостроен, но в связи с необходимостью расселить большое количество раненых и эвакуированных часть его помещений была приспособлена для жилья. Но всё это мы рассмотрели позже, а в тот день были рады прохладному помещению с низкими потолками, где мы и начали располагаться.

Оказалось, что у нас есть соседи – эвакуированная также из Москвы семья Величко: мать, бабушка и две девочки, двенадцати и трёх лет. У нас с ними была общая кухня-прихожая, где стояли ящики для топлива – угля и саксаула, кухонные столы и керосинки. Но в помещении летом никто не готовил: параллельно дому протекал полноводный арык, а вдоль него стояли мангалки – местные переносные очаги, которые изготовляли из обыкновенных вёдер, сохраняя при этом в качестве рудимента ручки, продетые в ушки ведра, что было очень удобно при транспортировке. Вот на этих мангалках и варили себе пищу жители нашего дома.

Воду для питья из арыков брать не рекомендовалось, поэтому у источника живительной влаги: слабо функционировавшей колонки водопровода в центре двора – с утра выстраивалась очередь из жестяных вёдер, куда вода стекала то-

ленькой стружкой. Хозяйки готовили у арыка еду и в то же время строго следили за очередностью своей тары...

В Самарканде всё нам казалось интересным и необычным. Во дворе было полно народу: раненые различной степени тяжести, врачи и сестры в белых халатах, масса детей. Почти каждый вечер, а иногда и днём раненых развлекали концертами на открытой эстраде; кино крутили по частям: днём в закрытом помещении клуба, а вечером прямо на улице. Мы, дети, любили сидеть за экраном и смотреть фильм как бы в зеркальном отображении.

А когда мы вышли на улицы города, то увидели местных жителей в полосатых халатах, осликов, запряжённых в арбы, верблюдов... И женщин в паранджах: в те годы их носили очень многие – в Узбекистане, видимо, были ещё сильны патриархальные устои. Лица женщин закрывали плотные чёрные сетки из конского волоса, и когда из-за духоты их откидывали, мы могли увидеть древнюю старуху или, наоборот, молоденькую красавицу с глазами-звёздами и чёрными бровями, нарисованными сурьмой от виска до виска.

Мы жили на окраине так называемого нового города, здания которого белели среди буйной зелени деревьев и кустарников. Какие скверы были в Самарканде, какие парки! А прямо за дувалом – невысоким глинобитным ограждением территории госпиталя – начинался пустырь, и дальше была видна панорама старого города: великолепный архитектурный ансамбль Регистан со знаменитым медресе Улугбека, мавзолей Гур-Эмир – усыпальница Тимура (Тамерлана) и его потомков, купола мечетей, сказочно красивых, но давно уже не используемых в качестве культовых сооружений. Больше того, вследствие перенаселённости города в медресе, например, разместили эвакуированных, и в кельях старинного мусульманского духовного училища жили люди из Харькова, Минска, Одессы; по галереям бегали дети, на верёвках сушилось бельё.

Позже, освоившись на новом месте, мы с папой бывали в старом городе, проходили узкими пустынными улицами вдоль сплошных дувалов и глинобитных

стен домов без оконных проёмов: по местной традиции окна выходят только во внутренние дворики. Изредка навстречу попадалась фигура, закутанная в паранджу, или местный житель, испытующе разглядывавший нас. Бывало, что прохожий в полосатом халате и чалме по обычаю своего народа приветствовал чужестранцев: «Салям алейкум!» – «Алейкум салям!» – охотно отвечал ему мы.

В старый город мы ходили мыться в бани, куда нам в строгой очередности выдавали талоны и по маленькому кусочку мыла на каждого. Навещали мы также одного папиного знакомого, проживавшего возле мавзолея XIV века под названием «Рухабад» – «Обитель духа». Раза два мне разрешили зайти внутрь этого обширного здания с куполообразным верхом, под которым слышался какой-то неясный гул; на полу были уложены плиты с надписями, сделанными арабской вязью... Это были захоронения шейха Бурхан-эд-Дина и его потомков...

Наши родители побывали в мавзолее Тамерлана, и смотритель, старый узбек, рассказал им, что перед войной могилу могучего воителя вскрывали: тогда началась полоса реконструкций внешнего облика государственных деятелей по их черепу. Возглавлял эту работу известный антрополог и скульптор М.М. Герасимов. Старики предупреждали тогда, что нельзя тревожить останки Тимура: обязательно начнётся война! Но их не послушали...

...Во время войны в Самарканд было эвакуировано огромное количество учебных заведений, в том числе военных: академии Артиллерийская, Химической защиты, Военно-морская, Ветеринарная, Военно-медицинская... Преподаватели всех этих учебных заведений были расселены, по возможности, в удобных для проживания помещениях, каковыми считались дома на территории эвакогоспиталя. Результатами тесного общения профессуры явились знакомства, продолжавшиеся в некоторых случаях даже после войны, а в тот период оказавшие нам неоценимую помощь. Дело в том, что мы с братом, дети умеренных широт, очутились в совершенно непривычных условиях, при экстремальной летней жаре, поэтому первое лето в Средней Азии было для нас очень тяжёлым. Вскоре после

приезда мы оба заболели корью, осложнённой воспалением лёгких. Потом я поправилась, а у Саши развился гнойный отит – воспаление среднего уха. Пенициллина в то время ещё не было, и единственный выход врачи видели в срочной трепанации черепа... Родители были в ужасе, но по просьбе папы мальчика осмотрел наш ближайший сосед профессор Воячек, как выяснилось, светило отечественной хирургии. Он подтвердил необходимость операционного вмешательства и взялся собственноручно его осуществить. Тогда по его просьбе Сашу положили вместе с мамой в Республиканскую больницу.

Операция прошла успешно, но потом мама и Саша долго еще пробыли в больнице, которая располагалась где-то далеко за городом. Помню, что мы с папой ходили к ним туда пешком через какие-то окраины, кишлаки и приносили им угощение: маленькие, но очень сладкие «чарджуйские» дыни. Больничное здание было старинным, капитальным, с высокими потолками. Вокруг был чудесный парк, где нас встречали мама с братишкой, который уже начал поправляться.

Наступила осень 1942 года. Мы уже немного адаптировались к местным условиям, но наш быт оставался в достаточной мере сложным, а рацион питания скудным. Конечно, в Самарканде большую часть года было тепло и сухо, да к тому же не так голодно, как в других местах: край этот таков, что, как говорится, «посади палку – вырастет дерево». Дети всегда могли найти, что пожевать. Вот хотя бы тутовник: вдоль улиц росли огромные (или так казалось?) деревья, на которых поспевали чудные крупные белые ягоды, напоминавшие по вкусу ананас. Ягоды сваливались с деревьев, детвора их охотно подбирала и отправляла в рот.

Что же касается основных продуктов питания, то их выдавали по карточкам и в очень ограниченном количестве. Особенно дефицитным был хлеб – тяжёлый, тёмно-коричневый, по-видимому, ржаной с добавлением всего чего угодно. «Белый», а на самом деле какой-то грязно-серый хлеб выдавали только на Первое Мая и на Седьмое Ноября. Но, конечно, родители старались, чтобы мы с Сашей получали какой-то необходимый минимум продуктов, и тут нас всех выручила... са-

харная свёкла. Её посадили на пробу, а она неожиданно дала изобильный урожай, поэтому нам выдавали этот «бурак» на все продуктовые талоны. Уж мы её и пекли, и отваривали, а папа приспособился даже варить из неё повидло по собственному рецепту. Крупные белесоватые плоды резались на маленькие кусочки, добавлялось немножко сахара, яблок, сухофруктов (их нам тоже выдавали — ведь Средняя же Азия!), после чего громадная кастрюля ставилась на электроплитку, и её содержимое варилось несколько часов. Папа сидел за своим столом и занимался далеко за полночь, а «повидлюка» — так называлось это варево — чавкала у него над ухом, и он время от времени помешивал её палочкой. К утру повидлюка была готова, и мама намазывала её нам на хлеб.

Был у нас и огород, но только мы сами его не обрабатывали: папа договорился с узбеком Рауфом, что он будет делать всё, что следует, но за это возьмет половину урожая себе. Рауф был на огородах сторожем, а также с помощью кетменя пускал воду то на одни участки, то на другие: земледелие-то было поливным! Нам, европейцам, с этой системой хозяйствования было бы не справиться...

С Рауфом у родителей, по-видимому, установились дружеские отношения, и он нас однажды здорово выручил. Во время войны при недостатке продуктов магазины непрерывно производили различные замены: талоны на мясо отоваривали яичным порошком, вместо молока выдавали какое-то непонятное суфле, на сахарные талоны — патоку и тому подобное. Однажды в магазине взамен месячной нормы мяса нам выдали... живого барана, да притом ещё на две преподавательские семьи. Никто не знал, что делать с этим животным: пасти его было некому да и негде. Зарезать?! На это никто из участников события не был способен... Так что барана временно поместили в коридоре нашей квартиры, и, сами понимаете, во что он превратил это помещение. Через несколько дней, когда наше терпение окончательно истощилось, мама попросила Рауфа пойти с ней на базар и продать барана, заметно отощавшего, со спавшим курдюком. Сама она не смогла бы этого сделать: не знала местных порядков торговли живым товаром, а по-узбекски вы-

учила только два слова: «ничпуль» – «сколько стоит» (в ответ продавец показывал соответствующее количество пальцев) – и «бильмай» – «не понимаю».

...После возвращения домой из Средней Азии мы долго вспоминали также землетрясения, свидетелями которых были в Самарканде много раз. На наше счастье, эти грозные явления природы проявлялись в те годы не слишком сильными толчками, наверное, не больше, чем в три-четыре балла. Было совсем не страшно и даже как-то забавно: сидим мы все за ужином, и вдруг стол начинает качаться, вроде бы даже топтаться на месте всеми своими четырьмя ногами, а электрическая лампочка над нами в это время раскачивается подобно маятнику. Однажды вечером «тряхнуло» посильнее, а утром, когда мы вышли на улицу, то увидели, что стена соседнего дома обвалилась, и жилая комната оказалась как бы на сцене: стояли стулья, кровати, на них сидели растерянные люди... Потом жильцы устроили импровизированный занавес: отгородились от улицы какими-то тряпками, одеялами и продолжали жить как ни в чём не бывало.

Климат Средней Азии поощрял подобную беспечность. Действительно, лето там длится, кажется, с апреля и до октября, слякоть и непогода – какие-нибудь два месяца, а всё остальное время – весна и погожая осень. В холодное время мы ходили в галошах, которые надевали на шерстяные носки, а летом бегали босиком или в самодельных тапках, которые привязывали к ногам верёвочками.

...Когда я вспоминаю самаркандский период своего детства, мне кажется, что я побывала в сказке из «Тысячи и одной ночи», и мне хочется закончить эту часть своих воспоминаний одной врезавшейся в память картиной. Я бегу домой вдоль Абрамовского бульвара – прекрасного сквера, достопримечательности города Самарканда. Вот уже видна дорога из старого города в новый, как вдруг я слышу звон колокольчиков и замираю, поражённая. Неспешно, мерными шагами идут друг за другом верблюды, впереди узбек на ослике – караван вступает в город, так же, как это происходило и 100, и 1000 лет назад. Верблюды подходят к арыку, журчащему под сенью карагачей, становятся вдоль него. Гортанная коман-

да – и все они разом опускаются на землю... Я с восхищением наблюдаю эту картину и одновременно щупаю босой ступней булыжники, покрывающие небольшую площадь возле эвакогоспиталя. Жара стоит страшная, камни раскалены, обжигают ноги, и я никак не могу решиться перебежать небольшое пространство от одной полоски тени до другой... Самаркандский горячий полдень – мой любимый, часто повторявшийся в жизни сон, которому не суждено было стать явью...

* * *

Однако Самарканд памятен мне не только своей необычностью, красотой, экзотичностью. Там я начала серьёзно учиться, приобщилась к музыке и пению, нашла замечательных подружек... Осенью 1942 года я отправилась в ближайшую к дому школу №45 – невысокое, окрашенное в белый цвет здание, укрытое густой зеленью деревьев. Но мы проучились всего дня три, а потом нам сказали, что школу надо освободить под госпиталь... Война шла своим чередом, санитарные поезда везли и везли раненых, и самыми подходящими помещениями для них были школы: в больших классах можно было разместить много народу, что было удобно во всех отношениях...

Итак, нам велели взять парты и нести их в выделенное нам для занятий помещение, и мы бесконечно долго несли тяжелые дубовые парты вдоль какого-то сквера. Протащив такую парту несколько шагов, мы садились на неё отдыхать, потом несли дальше... Но, как оказалось, старались мы зря. Прозанимавшись в новом для нас помещении неделю, мы его покинули вместе с партами, а сами отправились в другое место... Рано или поздно мы очутились на другом конце города, где-то за оврагом, в школе № 42 – двухэтажной, деревянной и очень ветхой. Разместить там госпиталь, видимо, не представлялось возможным, поэтому под крышей, давно требующей ремонта, нашло приют несколько бездомных школьных учреждений. Полы и лестницы в этом старинном здании невыносимо скрипели, с потолка что-то сыпалось... Занятия шли в четыре смены; урок продолжался три-

дцать минут, потом – пятиминутная перемена. У нас во втором классе было только три предмета: письмо, арифметика и чтение.

Я училась в четвёртую смену, то есть уроки начинались часов в шесть или даже позже. По дороге в школу, уже в сумерках, я пересекала железнодорожную линию, по которой ходила «кукушка» – состав из паровоза и нескольких вагончиков; паровоз на ходу оглушительно свистел, но, тем не менее, под него то и дело ухитрялись попадать неосторожные пешеходы... А возвращаться домой приходилось в кромешной тьме; в овраге лаяли собаки (или шакалы?!), на выходе у дверей школы народ как-то рассеивался, и в мою сторону никто не шёл.

Я боялась идти одна, и поэтому папа меня некоторое время встречал, но потом ему надоело ходить на другой конец города после целого дня занятий в академии, да и в учении моём по сокращённой программе он не видел толку. Поэтому он вскоре перевёл меня в стабильно действующую, хотя тоже объединённую школу № 30-37. Находилась она в центре города, на Ленинской улице. Школа было одноэтажная, но вместительная: до революции там помещалась женская гимназия. Центральной частью здания был довольно большой зал с эстрадой, около которой стояло пианино. В зал выходили двери некоторых классов, остальные учебные помещения располагались вдоль двух длинных коридоров. В положенное время вдоль этих коридоров проходил сторож Андриан с колокольчиком в руках и дребезжанием этого нехитрого устройства извещал о начале и конце уроков.

Осенью 1943 года, когда я была уже в третьем классе, начался масштабный педагогический эксперимент, знаменовавший собой возвращение к прежней гимназической системе. Во-первых, вместо привычных уже «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо» была введена пятибалльная система оценок успеваемости. А во-вторых, началось отдельное обучение, причём, так как школьных зданий было недостаточно, мальчиков и девочек для начала разделили по классам. В нашей школе это выглядело так. Два урока мы проучились спокойно, ни о чём не подозревая, а потом в класс вошла учительница параллельного третьего «В» клас-

са и скомандовала: «Мальчики, выйдите в проход между партами истройтесь в линейку! За мной, шагом марш!» И все мальчики ушли, а вместо них вошли девочки, которые с шумом и смехом начали рассаживаться на освободившиеся места. Мы все, оставшиеся, сиротливо жались друг к другу, а новенькие были все очень активные, бойкие, к тому же они были недовольны, что их учительница осталась с мальчиками... Но постепенно мы привыкли друг к другу и адаптировались к новой обстановке. Началась наша учёба в «девчачьем» третьем «А» классе.

Школы были переполнены, поэтому за партами мы сидели по трое, и было тесновато, тем более, что осенью и зимой пальтишек мы не снимали: если в школе и было предусмотрено отопление, то работало оно еле-еле или вовсе не работало. Писали мы в самодельных тетрадках деревянными ручками-вставочками. Чернила делали из химических карандашей и носили их с собой в специальных чернильницах-непроливайках, которые не всегда оправдывали своё название, так что мы вечно ходили перемазанными. Но всё это были «мелочи жизни» – учиться было интересно и радостно, а, главное, в новом объединённом классе я нашла себе замечательную подружку – Клавдию Круг-Лучинскую, внучку профессора Самаркандского мединститута В.И. Руднева, переводчика трудов Гиппократ. И в том далёком 1943 году, среди нестабильности нашего существования вдруг возник уютный дом с красивой мебелью, фортепиано, большой библиотекой...

Подружились мы также с нашей соседкой по парте – узбечкой Феней Джурабаевой – очень серьёзной девочкой, немного нас постарше. В школу она ходила, ведя за руки двух белоголовых девочек. «Это мои сестрички, их мама умерла, и мы взяли их к нам домой», – объясняла Феня... Действительно, в годы войны в Узбекистане эффективно решалась проблема сиротства: без лишней волокиты местные жители брали к себе осиротевших детей, и мы должны помнить о том, что народ этой республики не только радушно принял и обеспечил самым необходимым тысячи эвакуированных, не только создал на своей земле массу госпиталей,

где лечились и реабилитировались раненные на фронтах войны бойцы, но и принял огромное число сирот в лоно своих и без того многочисленных семей...

Хочется вспомнить в связи с этим стихотворение белорусской поэтессы Эди Огницвет: «Мы в дом к себе девочку взяли, /её не отдам я назад!/ Её называю я Галя, /а Галя меня – Шарафат». Дальше шла речь о том, как девочки подружились и даже стали походить друг на друга, как родные сёстры: «Похожи!» – соседи сказали. /«Похожи! – ребята кричат.– / Как две половинки граната /и Галя, и ты, Шарафат! /Но мы вас по косам узнали, /по косам, что вьются до пят: /коса золотая у Гали /и чёрная у Шарафат»...

...Наш третий «А» класс оказался очень сильным; каждую четверть семь-восемь девочек оказывались отличницами, но дело даже не в этом: было принято, отвечая урок, рассказывать что-то дополнительное, чего нет в учебнике. Учителя поддерживали и развивали нашу инициативу. Мне запомнился один очень интересный урок, который провёл у нас в классе учитель военного дела. Этот предмет ввели в школах зимой 1943-44 года, и мы, сидя на уроке, видели в окно, как во дворе школы маршировали то женские классы, то мальчишки. Наш класс тоже в положенное время выводили во двор и учили выполнять команды: «Нале-во!» – «Напра-во!» – «Кру-у-гом!» – «Левое плечо вперёд...Шагом...марш!!!»

Но мы не только маршировали. Той зимой учредили военные ордена имени Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова и Михаила Кутузова, и наш учитель – пожилой человек, видимо, отставной военный – дал четырём девочкам соответствующие темы для докладов об этих великих полководцах. Мне досталось докладывать о Кутузове, а Клавденьке – об Александре Невском, и я хорошо помню её живое, темпераментное, со многими подробностями сообщение о Ледовом побоище: будущий историк тогда уже вполне просматривался...

* * *

Другой моей самаркандской подружкой была соседка по квартире Лиля Величко, вместе с которой я ходила в хор при Доме Красной армии. По статусу наш

хор был детским, поэтому в его репертуар входили пионерские и школьные песни, причём, некоторые из них сочинял для нас руководитель коллектива – Игнатий Семёнович Миловицкий. Помню одну его замечательную песню, где солировала моя Лиля. На выступлениях хора она выходила вперёд и запевала звонким альтом: «Ветка в белом инее к окнам так и льнёт, /у крыльца родимого конь копытом бьёт. /Едет брат мой в армию, едет он зимой. /«Брат, поехать в конницу мне позволь с тобой!» А мы дружно подхватывали: «С тобой, с тобой! Эх, мне позволь с тобой! /Брат, поехать в конницу мне позволь с тобой!».

Как только появлялась новая подходящая для нашего хора песня, Геннадий Семёнович тут же включал её в репертуар. Помню премьеры таких песен, как «Дорогая моя столица» Дунаевского или «25 лет Красной армии» Александрова: «Над тобою летят, как знамёна, /двадцать пять героических лет»... Эта песня впервые прозвучала в феврале 1943 года, а сейчас она называется «Песней о Советской армии» и исполняется с несколько изменённым текстом. Наш хор исполнял многое из того, что теперь забыто, и песни тех лет дороги мне не только как память детства, но и как проявление лучших сторон душевного склада нашего народа. Прекрасны были и мелодии этих песен, и тексты, исполненные боли и народного гнева. Вот одна из таких песен – «Партизанская»: «Налетел на хату враг проклятый, /сытых коней он вывел на лужок, /подпалил мой дом и вместе с хатой /ребятишек и жену поджжёт. /От семьи на память мне остались /лишь моя двустволка да топор. /Я возьму их и пойду с друзьями/ в партизанский лагерь, в тёмный бор»... Вспоминаются популярные некогда «Бескозырка», «Пять пуль», а также «Песня о Тане» – партизанке, которую немцы казнили в селе Петрищево...

Мы репетировали с хором два раза в неделю и регулярно выступали, большей частью, в госпиталях, которых в Самарканде было очень много. Небольшие эстрадные площадки – сцены – были оборудованы прямо на открытом воздухе. Хор выстраивался на сцене, а наши слушатели, в основном, раненые и медперсонал, усаживались на скамейках. Посмотришь со сцены – всё бело: халаты медсе-

стёр и врачей, бинты и повязки раненых. Когда концерт заканчивался, наши солистки шли по палатам и там пели тяжелораненым бойцам. Кроме открытых площадок, было много выступлений в клубах и в различных учреждениях. Отчетные концерты хора проводились в главном здании Дома Красной Армии, где был большой красивый зал.

Нередко наш хор участвовал также в сборных концертах вместе с другими детьми и даже взрослыми артистами, так что после выступления мы пополняли собой слушательскую аудиторию и продолжали впитывать музыкальные впечатления. Особенно часто с нами в одном концерте выступали ученики местной музыкальной школы, которая благодаря притоку эвакуированных педагогов и талантливых детей очень в те годы усилилась. Так вот однажды на сцену вышли два мальчика со скрипками и исполнили двойной концерт Вивальди. Они очень хорошо играли, и мне кажется, что именно тогда я была очарована скрипкой, и пронесла любовь к этому инструменту через всю жизнь ...

В 1943 году, когда наметился перелом на фронтах войны, начался процесс эвакуации, и летом того памятного года мы вернулись в Москву. В Самарканде мне впоследствии побывать не пришлось, а вот в Самаре я была несколько раз и мне удалось найти то место, где мы некогда жили. За прошедшие годы Индустриальный институт трансформировался в Политехнический, его корпуса располагаются сейчас совсем в иных местах. Но знакомый двор сохранился, только перед входом теперь стоит красивое здание Дома актёра. Бывшее общежитие снесено, на его месте высится современный жилой дом...

В каждый свой приезд я отмечала, как растёт и хорошеет город: построен новый речной вокзал, возвели автодорожный мост через реку Самару; впечатляют оригинальные здания бассейна СКА и кинотеатра «Шипка». При этом хочется обратить внимание на то, как гармонично вписываются старинные здания театров и музеев в современные пейзажи города...

Процветания и роста тебе, Самара – жемчужина Поволжья!

Сведения об авторе статьи

Менькова Надежда Марковна, 1933 года рождения, доцент, кандидат технических наук. Окончила Московский горный институт, работала по специальности, затем перешла на преподавательскую работу. В настоящее время является доцентом Российского Государственного Геологоразведочного университета; преподаёт технические дисциплины. Параллельно занимается литературной деятельностью: печатается в различных альманахах и журналах, предприняла несколько литературно-художественных изданий, выложенных на сайте menkova.ru .
Телефон для связи: 8-916-718-08-46.